

АЗАМАТТЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ҚҰҚЫҚ / ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО / CIVIL AND CIVIL PROCEDURE LAW

УДК 347
МРНТИ 10.27.01

Д.Б. Кайназарова

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ИНСТИТУТ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматривается институт добросовестности в гражданском праве как фундаментальный принцип, обеспечивающий баланс между формальным соблюдением закона и достижением справедливого результата. Проведен анализ исторических истоков категории, начиная с римского права и германской традиции, а также показано ее современное закрепление в правовых системах Франции, Германии, России и Казахстана. Отмечены теоретические проблемы, связанные с неопределенностью содержания добросовестности, ее соотношением со свободой договора и рисками субъективного усмотрения суда. Особое внимание уделено судебной практике Республики Казахстан, где принцип добросовестности применяется для защиты прав добросовестных приобретателей, в договорных отношениях и при выявлении злоупотреблений правами. Сравнительный анализ позволил выявить различия в подходах национальных и зарубежных судов, а также определить необходимость унификации казахстанской судебной практики и законодательного уточнения критериев добросовестного поведения. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, судебной практики и юридического образования.

Ключевые слова: гражданское право; злоупотребление правом; свобода договора; добросовестность; правоприменение; добросовестный приобретатель; судебная практика; субъективизм суда; сравнительно-правовой анализ; правовая определенность.

Д.Б. Кайназарова

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы.*

АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚТАҒЫ АДАЛДЫҚ ИНСТИТУТЫ

Аннотация. Мақалада азаматтық құқықтағы адалдық институты заңды формальды сақтаумен қатар әділетті нәтижеге қол жеткізудің арасындағы теңгерімді қамтамасыз ететін іргелі қағида ретінде қарастырылады. Рим құқығы мен германдық дәстүрден бастау алатын бұл категорияның тарихи негіздері талданған, сондай-ақ оның қазіргі кезде Франция, Германия, Ресей және Қазақстан құқықтық жүйелерінде орнығуы көрсетілген. Адалдық мазмұнының айқын еместігіне, оның шарт бостандығымен арақатынасына және соттың субъективтік қалауы тәуекелдеріне байланысты теориялық мәселелер атап өтіледі. Қазақстан Республикасының сот практикасына ерекше назар аударылған, онда адалдық қағидасы адал сатып алушылардың құқықтарын қорғауда, шарттық қатынастарда және құқықты теріс пайдалануды айқындауда қолданылып келеді. Салыстырмалы талдау ұлттық және шетелдік соттардың ұстанымдарындағы айырмашылықтарды анықтауға, сондай-ақ қазақстандық сот тәжірибесін біріздендіру мен адал мінез-құлық өлшемдерін заңнамалық тұрғыдан нақтылаудың қажеттілігін айқындауға мүмкіндік берді. Заңнаманы, сот тәжірибесін және заң білімін жетілдіруге қатысты ұсыныстар берілген.

Түйінді сөздер: азаматтық құқық; құқықты теріс пайдалану; шарт бостандығы; адалдық; құқық қолдану; адал сатып алушы; сот тәжірибесі; соттың субъективизмі; салыстырмалы-құқықтық талдау; құқықтық айқындық.

D.B. Kainazarova

The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan

INSTITUTE OF GOOD FAITH IN CIVIL LAW

Abstract. The article examines the institute of good faith in civil law as a fundamental principle that ensures a balance between formal compliance with the law and the achievement of a fair outcome. The historical origins of the category are analyzed, beginning with Roman law and the German tradition, as well as its modern consolidation in the legal systems of France, Germany, Russia, and Kazakhstan. Theoretical problems are noted, including the uncertainty of the content of good faith, its correlation with the freedom of contract, and the risks of judicial subjectivism. Particular attention is paid to the judicial practice of the Republic of Kazakhstan, where the principle of good faith is applied to protect the rights of bona fide purchasers, in contractual relations, and in identifying abuses of rights. A comparative analysis has revealed differences in the approaches of national and foreign courts, as well as the need to unify Kazakhstani judicial practice and to legislatively clarify the criteria for good faith conduct. Proposals are made for improving legislation, judicial practice, and legal education.

Keywords: civil law; abuse of rights; freedom of contract; good faith; law enforcement (application of law); bona fide purchaser; judicial practice; judicial subjectivism; comparative legal analysis; legal certainty.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_63

Введение. Институт добросовестности в гражданском праве на протяжении последних десятилетий все более активно обсуждается в юридической науке и практике. Причина возросшего интереса заключается в том, что при усложнении гражданских отношений и появлении рисков злоупотребления правами добросовестность становится тем ориентиром, который позволяет согласовать интересы сторон и поддерживать справедливое применение закона.

Актуальность выбранной темы объясняется рядом факторов. Во-первых, именно через призму добросовестности решаются споры, связанные с поиском баланса между формальным соблюдением закона и достижением справедливого результата. По обоснованному замечанию Л.В. Щенниковой и Н.А. Силиной, принцип добросовестности в гражданском праве проявляется в «уважении и верности принятому обязательству, собственной честности и доверии к чужой честности» [1, 35 стр.].

Во-вторых, данный институт приобретает особое значение в условиях современного гражданского оборота, когда участники все чаще используют сложные сделки, цифровые инструменты и гибридные договоры. В таких ситуациях недобросовестное поведение

способно привести не только к существенным нарушениям прав, но и к снижению доверия к правовой системе в целом.

Следует подчеркнуть, что научная разработка института добросовестности в отечественной юриспруденции пока находится на стадии активного формирования. В частности, Б.Ж. Абдраим и М.Х. Хасенов рассматривают принцип добросовестности как одну из основ стабильности гражданского оборота [2, 79 стр.].

Цель исследования заключается в комплексном изучении института добросовестности в гражданском праве, выявлении теоретических и практических проблем его применения и выработке предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в Республики Казахстан (далее – РК).

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Раскрыть понятие и место принципа добросовестности в системе гражданского права и определить его соотношение с иными фундаментальными принципами, включая свободу договора.

2. Проанализировать теоретические проблемы и основные подходы к содержанию категории добросовестности, а также

исследовать судебную практику РК по ее применению.

3. Провести сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта и на его основе разработать предложения по совершенствованию законодательства, судебной практики и юридического образования.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), позволившие выявить общие закономерности и внутренние связи рассматриваемого института.

В исследовании применялись методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, позволившие выявить закономерности становления принципа добросовестности и определить его место в системе гражданско-правовых категорий. Метод анализа использовался для изучения структуры и элементов института добросовестности, включая субъективный и объективный критерии, а метод синтеза – для обобщения полученных результатов и формирования целостного представления о его роли в гражданском праве. Использованы индукция и дедукция, позволившие от частных случаев применения принципа добросовестности перейти к выявлению общих закономерностей его развития в праве Казахстана и зарубежных стран.

Также применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы при анализе Гражданского кодекса РК (далее – ГК РК), судебных актов, а также норм BGB (§ 242) и Code civil (ст. 1104). Системный подход обеспечил рассмотрение добросовестности в контексте принципов гражданского права, а историко-правовой метод позволил проследить ее эволюцию от *bona fides* римского права до современного содержания. Эмпирическую основу составили судебная практика, международные акты и труды отечественных и зарубежных правоведов.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно предлагает

рассматривать добросовестность не только как декларативный принцип, но и как инструмент конкретизации правовых обязанностей участников гражданского оборота. Практическая значимость выражается в возможности использования полученных результатов при подготовке методических материалов для судей и адвокатов, а также при разработке учебных программ по гражданскому праву в высших учебных заведениях.

Таким образом, институт добросовестности представляет собой одно из наиболее перспективных направлений развития современной гражданско-правовой системы Казахстана, а его комплексное исследование является важной задачей как для науки, так и для практики.

Результаты, обсуждение. Категория добросовестности имеет многовековую историю развития и занимает особое место в системе гражданско-правовых принципов. В юридической науке ее содержание традиционно связывается с совокупностью морально-этических стандартов, трансформированных в правовые ориентиры, ограничивающие произвольное использование гражданских прав. Уже в римском праве использовались такие конструкции, как «*bona fides*», которые применялись для квалификации обязательственных отношений и защиты интересов слабой стороны [3, 237 стр.].

Именно из римской традиции возникло понимание добросовестности как критерия правомерности поведения.

В германском гражданском праве принцип добросовестности (*Treu und Glauben*) нашел отражение в § 242 Гражданского уложения Германии (BGB), закрепившем обязанность сторон действовать в соответствии с требованиями добросовестности и обычаями делового оборота¹.

Немецкая доктрина рассматривает эту норму как «общую оговорку», позволяющую суду корректировать применение иных положений законодательства в интересах справедливости. Аналогичный подход

¹ Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) § 242 Leistung nach Treu und Glauben [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_242.html (дата обращения: 03.10.2025).

постепенно получил закрепление и в других европейских системах гражданского права: во Франции принцип добросовестности (*bonne foi*) отражен в статье 1104 ГК, которая предписывает, что договоры должны исполняться добросовестно.

В отечественной юридической науке категория добросовестности стала активно разрабатываться в постсоветский период. В казахстанском праве ее нормативное закрепление содержится в пункте 4 статьи 8 ГК РК (Общая часть), где закрепляется обязанность участников гражданского оборота действовать добросовестно, разумно и справедливо. При этом в норме прямо указывается, что данная обязанность не может быть исключена или ограничена договором. Данная формулировка свидетельствует о придании добросовестности статуса императивного принципа, который носит всеобъемлющий характер и распространяется на все виды гражданских правоотношений.

В казахстанской юридической литературе обращается внимание на то, что закрепление принципа добросовестности в ГК РК носит во многом рамочный характер. Его реальное содержание в значительной степени формируется судебной практикой, которая уточняет пределы и способы применения этого принципа. При этом в условиях усиливающейся правовой неопределенности добросовестность может выполнять функцию своеобразного «стабилизатора», позволяющего обеспечить предсказуемость правоприменения и справедливость при разрешении споров.

Значение института добросовестности заключается, прежде всего, в его универсальности. В отличие от специальных институтов (например, добросовестного приобретателя или института «эстоппеля»), он охватывает все гражданско-правовые отношения и выполняет роль общего стандарта поведения [4].

А.М. Урстенова указывает, что добросовестность в гражданском праве выполняет роль своеобразного надпринципа, интегрирующего в себе такие начала, как справедливость, разумность и соразмерность

[5, 54 стр.].

С теоретической точки зрения добросовестность в гражданском праве может быть рассмотрена в двух взаимодополняющих измерениях. Она выступает в качестве принципа права, т.е. абстрактной категории, выражающей фундаментальную идею справедливого и честного поведения участников гражданского оборота. В этом качестве добросовестность задает общую нормативную направленность и формирует ценностные ориентиры правовой системы. Добросовестность проявляется как инструмент правоприменения, представляющий собой конкретный стандарт поведения, используемый судом при оценке действий сторон [6]. Здесь она приобретает практическое содержание и позволяет превратить абстрактный принцип в реальный критерий разрешения гражданско-правовых споров.

Подобное двойственное понимание добросовестности действительно порождает активные дискуссии в юридической науке. Часть исследователей склонна рассматривать ее преимущественно как морально-правовой ориентир, требующий дополнительного нормативного наполнения. Так, Е.А. Суханов подчеркивает, что «добросовестность остается в значительной мере оценочной категорией, зависящей от усмотрения суда» [7, 132 стр.]. В то же время другие авторы акцентируют внимание на нормативной природе добросовестности и ее непосредственной обязательности для правоприменителя. Например, О.А. Красавчиков указывал, что «добросовестность следует рассматривать как универсальный принцип гражданского права, обязательный для всех участников оборота» [8, 87 стр.].

Ключевым аспектом института добросовестности является его корреляция с принципом свободы договора. С одной стороны, стороны обладают правом самостоятельно определять условия сделки, руководствуясь собственными интересами. С другой стороны, это право ограничено необходимостью действовать добросовестно. Тем самым добросовестность выполняет

функцию своеобразного «корректора», предотвращающего злоупотребление автономией воли. В зарубежной доктрине это выражается в концепции «контроля за содержанием договора», а в казахстанской практике проявляется через признание ничтожными условий, нарушающих баланс интересов.

Следовательно, институт добросовестности занимает центральное место в системе принципов гражданского права. Он является не только морально-этическим ориентиром, но и юридическим инструментом, позволяющим достигать справедливого результата в условиях усложнения гражданского оборота. Его универсальность и гибкость обеспечивают возможность адаптации к новым формам сделок, в т.ч. в цифровой экономике, где участники взаимодействуют через электронные платформы и смарт-контракты.

Несмотря на универсальность и фундаментальный характер принципа добросовестности, его содержание остается одной из наиболее дискуссионных тем гражданско-правовой науки. Наличие различных подходов к определению и применению данной категории обусловлено ее многоуровневой природой. В частности, добросовестность проявляется как моральная, правовая и практическая категория одновременно. В результате в науке и практике возникают три группы проблем: неопределенность содержания понятия, трудности соотношения с иными принципами гражданского права и риск субъективного усмотрения суда.

Первая и наиболее значимая проблема заключается в отсутствии единого определения добросовестности. Законодатель, как правило, ограничивается общими формулировками. Так, пункт 4 статьи 8 ГК РК указывает на обязанность действовать добросовестно, разумно и справедливо, но не раскрывает критериев, позволяющих определить, какие действия будут считаться добросовестными.

Подобная неопределенность характерна и для зарубежных правовых институтов (Германия), закрепляющих только обязанность действовать согласно

требованиям доброй совести, однако не содержащих конкретных критериев.

В доктрине Казахстана и России встречаются различные интерпретации категории добросовестности. Одни авторы трактуют ее как субъективное состояние лица, характеризующее его незнание определенных обстоятельств при заключении или исполнении договора. Так, В.П. Мозолин указывает, что «добросовестность в гражданском праве понимается как внутреннее психическое состояние участника оборота, обусловленное его отсутствием осведомленности о фактических обстоятельствах сделки» [9, 215 стр.].

Другие исследователи рассматривают добросовестность как объективный стандарт поведения, предполагающий честность, разумность и справедливость в действиях субъекта, вне зависимости от его субъективных намерений.

В частности, И. Кул связывает принцип добросовестности с обеспечением справедливости, разумности и порядка в экономических отношениях [10, 133 стр.].

Аналогичную позицию занимает Д.В. Дождев, подчеркивая, что добросовестность «является не столько внутренней характеристикой сознания лица, сколько объективным нормативным критерием оценки поведения» [11, 152 стр.].

Отсутствие нормативного закрепления критериев добросовестности приводит к тому, что разные суды могут по-разному трактовать одну и ту же ситуацию. В одних случаях достаточным основанием для признания стороны недобросовестной становится ее пассивность (например, непроверка сведений в реестре), в других – только наличие доказанного умысла. Это снижает уровень правовой определенности и предсказуемости для участников оборота.

Вторая группа проблем связана с соотношением добросовестности и принципа свободы договора, который является краеугольным камнем частного права. Автономия воли сторон позволяет им самостоятельно формировать содержание договорных отношений. Однако чрезмерное следование этому принципу может привести к злоупотреблениям и

ущемлению интересов одной из сторон. Тем самым, добросовестность выступает как ограничитель свободы договора, корректируя ее чрезмерные проявления.

Особая проблема заключается в высокой степени субъективизма при оценке добросовестности. Судья вынужден учитывать широкий круг обстоятельств: поведение сторон, их мотивы, обстановку заключения сделки, последствия для третьих лиц. При отсутствии конкретных нормативных критериев это неизбежно порождает риск произвольных решений. Как подчеркивают М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, применение принципа добросовестности в договорных отношениях носит преимущественно оценочный характер и неизбежно связано с усмотрением суда [12, 98 стр.].

Кроме того, субъективизм может быть использован недобросовестными сторонами в тактических целях: ссылки на нарушение принципа добросовестности становятся универсальным инструментом давления на контрагента, что усложняет судебный процесс.

Наиболее наглядно принцип добросовестности проявляется в судебной практике. Несмотря на то, что ГК РК закрепляет его лишь в общей форме, суды активно используют добросовестность при разрешении споров, связанных с защитой прав собственности, договорными обязательствами и иными гражданско-правовыми отношениями. Так, добросовестность применяется для защиты прав приобретателей, которые проверили правовой статус имущества в государственном реестре, оплатили его по рыночной цене и не имели оснований сомневаться в законности сделки.

В других случаях суды признают недобросовестным поведение арендодателей, формально соблюдающих условия договора, но фактически создающих препятствия для деятельности арендатора, например ограничивая доступ к помещению или отключая

коммунальные услуги. При этом подчеркивается, что формальное соблюдение договора не освобождает сторону от обязанности действовать честно и разумно.

Таким образом, анализ судебной практики показывает, что принцип добросовестности играет ключевую роль в оценке поведения сторон, но его применение во многом носит оценочный характер и зависит от усмотрения суда.

Отсутствие закрепленных критериев приводит к риску субъективизма и разнородности правоприменения. В этих условиях назрела необходимость нормативного уточнения содержания принципа добросовестности и установления базовых ориентиров для судов и участников гражданского оборота.

Первым шагом может стать законодательное уточнение содержания принципа добросовестности. Законодатель может закрепить базовые критерии: проявление разумной осмотрительности, соблюдение требований публичных реестров, запрет намеренного создания препятствий для другой стороны. Это позволит снизить риск произвольного толкования.

Вторым направлением является нормативное закрепление презумпции добросовестности. Так, Швейцарский гражданский кодекс устанавливает, что при обусловленности правового эффекта добросовестностью она презюмируется (art. 3(1) ZGB)².

Следует закрепить правило, что все участники оборота считаются добросовестными, пока не доказано обратное. Подобная норма уже применяется в российском праве и показала свою эффективность³.

Также представляется целесообразным расширить специальные положения о добросовестности в отдельных институтах гражданского права: при защите прав потребителей, в наследственном праве, в корпоративных отношениях. Это позволит наполнить принцип конкретным

² Switzerland. Civil Code (ZGB). Swiss Civil Code of 10 December 1907. Art. 3(1) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/en (дата обращения: 04.11.2025).

³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

содержанием и сделать его применение более предсказуемым.

Для устранения противоречий необходимо, чтобы Верховный Суд РК издал нормативное постановление, посвященное применению принципа добросовестности. В нем могли бы быть закреплены следующие положения:

- добросовестность презюмируется;
- бремя доказывания недобросовестности лежит на стороне, которая ссылается на нарушение принципа;
- критерии добросовестности включают активность в проверке правового статуса имущества, честность в переговорах, отказ от действий, направленных на лишение контрагента разумных ожиданий.

Кроме того, важно систематизировать судебные решения, где добросовестность уже применялась. Создание электронной базы кейсов, аналогичной российскому «Обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации», позволило бы адвокатам, судьям и исследователям ориентироваться в выработанных подходах.

Не менее важно внедрить институт добросовестности в систему юридического образования. Сегодняшние студенты и практикующие юристы должны изучать не только теоретическое содержание, но и реальные кейсы, в которых поведение сторон квалифицировалось как добросовестное или недобросовестное. Представляется целесообразным также разработать учебные курсы и практикумы, включающие анализ судебных решений и моделирование ситуаций.

Особое внимание следует уделить применению принципа добросовестности в условиях цифровизации. С развитием смарт-контрактов, блокчейн-технологий и онлайн-платформ появляются новые формы сделок, где поведение участников оценивается не только по формальным критериям, но и по стандартам добросовестности. Так, сокрытие информации о рисках в онлайн-договоре или использование технических уязвимостей в смарт-контракте должно квалифицироваться как недобросовестное поведение.

Заключение. Исследование института добросовестности в гражданском праве

показало, что эта категория занимает центральное место в системе частных правовых принципов, но в то же время остается одной из самых проблемных и дискуссионных.

Добросовестность выполняет двойную функцию: с одной стороны, она выступает общим принципом, определяющим направленность всего гражданского законодательства, а с другой – конкретным критерием поведения участников гражданского оборота, позволяющим судам корректировать чрезмерно формальное применение норм.

Теоретические проблемы института добросовестности выражаются в отсутствии единого определения, в дискуссиях о ее статусе (принцип или норма прямого действия), а также в рисках субъективизма при правоприменении.

Практические трудности связаны с отсутствием единых подходов и нормативного закрепления презумпции добросовестности.

На основе проведенного анализа представляется целесообразным закрепить в ГК РК презумпцию добросовестности участников гражданского оборота и уточнить базовые критерии добросовестного поведения, включая проявление разумной осмотрительности, проверку публичных реестров и обоснованные ожидания контрагентов. Важным направлением развития является принятие Верховным Судом РК нормативного постановления, разъясняющего применение принципа добросовестности и закрепляющего практику возложения бремени доказывания недобросовестности на сторону, утверждающую о ее наличии. В образовательной сфере институт добросовестности должен занять более значимое место, что предполагает его включение в специальные курсы по гражданскому праву, а также дополнение учебного процесса практическими кейсами, основанными на судебной практике. Научные исследования в этой области требуют более активного изучения связи добросовестности с цифровыми сделками и разработки междисциплинарных подходов, позволяющих глубже раскрыть содержание

данной категории.

Итак, добросовестность в гражданском праве Казахстана уже играет важную роль, но ее потенциал реализован не полностью. При комплексном подходе, включающем законодательные изменения, судебные разъяснения и образовательные

инициативы, данный институт может стать реальным инструментом укрепления правовой стабильности, повышения доверия к гражданскому обороту и адаптации частного права к вызовам цифровой эпохи.

Список использованной литературы:

1. Щенникова, Л.В. Общий принцип добросовестности в гражданском праве / Л.В. Щенникова, Н.А. Силина // Журнал российского права. – 2018. – № 3. – С. 31-42.
2. Абдраим, Б.Ж. О законодательном закреплении принципа добросовестности в Гражданском кодексе Республики Казахстан / Б.Ж. Абдраим, М.Х. Хасенов // Право и государство. – 2020. – № 3-4. – С. 79-90.
3. Zimmermann, R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition / R. Zimmermann. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 1241 p.
4. Talibova, L. The Purpose of the Principle of «Good Faith» in Civil Legislation and Judicial Practice of the Republic of Azerbaijan / L. Talibova // Baku State University Law Review. – 2024. – Vol. 2. No. 2. – Pp. 126-140.
5. Урстенова, А.М. Гражданско-правовые принципы: теория и практика / А.М. Урстенова. – Алматы: Жеті Жарғы, 2018. – 216 с.
6. Hondius, E.H. Good Faith in European Contract Law / E.H. Hondius // European Review of Private Law / Cambridge University Press, 2002 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/27704902_Good_Faith_in_European_Contract_Law (дата обращения: 11.11.2025).
7. Суханов, Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть. – 3-е изд., перераб. и доп. / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2018. – 496 с.
8. Красавчиков, О.А. Категории науки гражданского права / О.А. Красавчиков. – М.: Статут, 2005. – 448 с.
9. Мозолин, В.П. Гражданское право: учебник / В.П. Мозолин. – М.: Норма, 2016. – 640 с.
10. Kull, I. Principle of Good Faith and Constitutional Values in Contract Law / I. Kull // Juridica International. – 2002. – No. VII. – Pp. 142-149.
11. Дождев, Д.В. Римское частное право. – 3-е изд., испр. и доп. / Д.В. Дождев. – М.: Норма, 2011. – 736 с.
12. Брагинский, М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2001. – 848 с.

References:

1. Shhennikova, L.V. Obshhij princip dobrosovestnosti v grazhdanskom prave / L.V. Shhennikova, N.A. Silina // Zhurnal rossijskogo prava. – 2018. – № 3. – S. 31-42.
2. Abdraim, B.Zh. O zakonodatel'nom zakreplenii principa dobrosovestnosti v Grazhdanskom kodekse Respubliki Kazahstan / B.Zh. Abdraim, M.H. Hasenov // Pravo i gosudarstvo. – 2020. – № 3-4. – S. 79-90.
3. Zimmermann, R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition / R. Zimmermann. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 1241 p.
4. Talibova, L. The Purpose of the Principle of «Good Faith» in Civil Legislation and Judicial Practice of the Republic of Azerbaijan / L. Talibova // Baku State University Law Review. – 2024. – Vol. 2. No. 2. – Pp. 126-140.
5. Urstenova, A.M. Grazhdansko-pravovye principy: teorija i praktika / A.M. Urstenova. – Almaty: Zheti Zhargy, 2018. – 216 s.

6. Hondius, E.H. Good Faith in European Contract Law / E.H. Hondius // European Review of Private Law / Cambridge University Press, 2002 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/27704902_Good_Faith_in_European_Contract_Law (data obrashhenija: 11.11.2025).
7. Suhanov, E.A. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. T. 1: Obshhaja chast'. – 3-e izd., pererab. i dop. / E.A. Suhanov. – M.: Statut, 2018. – 496 s.
8. Krasavchikov, O.A. Kategorii nauki grazhdanskogo prava / O.A. Krasavchikov. – M.: Statut, 2005. – 448 s.
9. Mozolin, V.P. Grazhdanskoe pravo: uchebnik / V.P. Mozolin. – M.: Norma, 2016. – 640 s.
10. Kull, I. Principle of Good Faith and Constitutional Values in Contract Law / I. Kull // Juridica International. – 2002. – No. VII. – Pp. 142-149.
11. Dozhdev, D.V. Rimskoe chastnoe pravo. – 3-e izd., ispr. i dop. / D.V. Dozhdev. – M.: Norma, 2011. – 736 s.
12. Braginskij, M.I. Dogovornoe pravo. Kniga pervaja: Obshhie polozhenija / M.I. Braginskij, V.V. Vitrjanskij. – M.: Statut, 2001. – 848 s.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Дарига Болатқызы Қайназарова – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Кәсіптік оқыту институтының қылмыстық қудалау және жедел-іздікестіру қызметі кафедрасының доценті, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: dariga.76@list.ru.

Қайназарова Дарига Болатовна – доцент кафедры уголовного преследования и оперативно-розыскной деятельности Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, e-mail: dariga.76@list.ru.

Kainazarova Dariga Bolatovna – Associate Professor of the Department of Criminal Prosecution and Operational Investigative Activities of the Institute of Professional Training of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law Sciences, e-mail: dariga.76@list.ru.